

— Я вырастил тебя, и это стоило куда больше, чем эти деньги. Мы еще не посчитали с твоим отцом алименты за все эти годы.

Мужчина начал орать, и Му Су видел, как брызги слюны летели во все стороны.

— Не трогай Цинфэна, когда он начнет работать, он отдаст каждый цент, который должен, но за этот долг он не будет отвечать один. Вы все семья, никто не может отстраниться! Пошли!

Му Су был полон решимости и, на глазах у всей семьи, увел Цинфэна.

Они сидели в номере гостиницы, который снял Му Су. Цинфэн молча смотрел в окно, а Му Су, раздраженный, ходил по комнате.

— Что за семья? Их дочь натворила, а ведут себя, будто это ты виноват.

Услышав жалобы Му Су, Цинфэн лишь улыбнулся.

— А ты думал, почему они так спешили, чтобы я вернулся? У меня ничего нет, они надеются, что мой родной отец поможет деньгами.

Му Су, остыв, задумался.

— Твой отец богат? Судя по их словам, они думают, что ты живешь с отцом, но ты же один...

Внезапно он вспомнил тот дневник, как Цинфэн ездил в тот город, но в итоге остался один.

Цинфэн промолчал, но Му Су понимал, что для такого человека просить деньги было мучительно. Зачем ему ради других унижаться и снова сталкиваться с болью.

— Мы только носим одну фамилию, больше ничего общего.

Легкая фраза, но она заставила Му Су замолчать, боясь задеть собеседника.

— Я тоже такой, все такие.

Му Су невольно вздохнул, что вызвало смех у Цинфэна.

— Когда ты стал таким философом?

— Мой отец часто говорит, что если бы можно было поменять сына, он бы отдал двух таких, как я, за одного такого, как ты.

Му Су сел напротив Цинфэна, скрестив ноги, его босые ноги покраснели от холода.

Цинфэн встал, взял с кровати куртку и накинул её на Му Су.

— Возвращайся домой, когда всё уладится, через пару дней уеду.

Его пальцы нежно гладили мягкие волосы, а нос улавливал слабый аромат шампуня.

— Не пропускай уроки.

— Нет, я уеду только с тобой.

Му Су упрямо отказался, скрестив руки на груди и откинувшись на спинку стула.

— Завтра утром отвезу тебя на автобус.

Казалось, это было окончательное решение, но когда Цинфэн хотел уйти, Му Су схватил его за руку, а затем обнял за талию.

— Обещай, что вернешься, через два-три дня.

Эта фраза, сказанная без задней мысли, показалась Цинфэну чем-то вроде прощания влюбленных, но он кивнул.

— Через два-три дня вернусь.

Когда Му Су отпустил его, его пальцы незаметно коснулись кармана Цинфэна, а затем он запрыгнул на кровать, укрылся одеялом и повернулся к нему спиной.

Цинфэн долго бродил по узкой дорожке перед домом, не зная, как выбраться из этой финансовой западни. С того момента, как он получил звонок и вернулся, он понимал, зачем семья его позвала.

— Уже поздно, почему не заходишь?

Обернувшись, он увидел свою мать — Ли Чжаоюнь, которая до этого молчала, стоявшую у входа.

В молодости Ли Чжаоюнь была миловидной девушкой, но годы заботы о семье превратили её в женщину с короткими волосами и изменившейся фигурой, совсем не похожей на Линь Цяохуэй, которую он видел в больнице.

— Войду — всё равно не отдохну, лучше здесь подумать.

Только наедине с матерью Цинфэн мог немного расслабиться.

— Мама, ты ведь не за тем же пришла?

— Ты действительно не хочешь помочь?

Ли Чжаоюнь не была такой настойчивой, как остальные, но её тон говорил сам за себя.

— Как я могу попросить отца дать деньги за проступок моей сестры? В этом доме есть хозяйка, а в том — нет?

Вопрос Цинфэна заставил Ли Чжаоюнь покраснеть. Любой здравомыслящий человек понимал, что это несправедливо.

— У тебя ведь есть деньги от отца, если есть сбережения, помоги сестре.

Ли Чжаоюнь смягчила тон, но это не помогло, и Цинфэн лишь усмехнулся.

— Линь Цяохуэй смогла забрать твоего мужа, родив сына старше меня. Ты же знаешь, на что она способна.

Линь Цяохуэй была человеком, которого Ли Чжаоюнь ненавидела больше всего. Она часто ругала её, говоря, что если бы не эта женщина, она бы была хозяйкой в семье Тань.

— Я поняла.

Ли Чжаоюнь осознала, что если Цинфэн будет постоянно брать деньги у семьи Тань, это вызовет недовольство Тань Сяньци. Линь Цяохуэй легко могла настроить его против Цинфэна. Она уже проиграла, потеряла всё, но Цинфэн не должен был повторить её судьбу.

Ли Чжаоюнь больше не уговаривала его, и Цинфэн с облегчением последовал за ней в дом.

Он знал слабость матери — она могла уступить кому угодно, но не Линь Цяохуэй. Она не даст ей возможности насмехаться над ними, поэтому, напомнив об этом, он заставил её перестать давить на него.

Вскоре из соседней комнаты раздались крики, мужчина ругался, словно специально для Цинфэна.

— Брат...

Сестра, которая временно жила с ним в одной комнате, дрожала под одеялом.

— Брат...

Цинфэн наконец обратил внимание на эту девочку — Лю Дундун, виновницу всей этой ситуации. Он прислонился к стене, глядя в окно, где была только тьма.

— Испугалась?

— Я...

Лю Дундун с тех пор, как натворила, пряталась в комнате. Сначала она ещё могла нагло сопротивляться, но когда к ним начали приходиться с угрозами, она сломалась.

— Ты извинился за меня?

Лю Дундун молчала, её гордость не позволяла извиняться перед тем, кого она унижала. Цинфэн спокойно продолжал:

— Я извинялся за тебя, твои родители ссорятся из-за тебя, вся семья без дома, а у тебя даже извинений нет. Не думаешь, что это невежливо?

Его голос был настолько спокойным, что казалось, он просто рассказывает сказку.

— Я не думала об этом.

Голос Лю Дундун становился всё тише. Она всегда боялась этого брата больше, чем криков родителей.

— Да, и в результате, возможно, придется продать дом и машину, но они ведь не твои.

Эти слова, как нож, вонзились в сердце Лю Дундун. Мысли о том, что ей придется жить в чужом доме, в такой маленькой комнате, заставили её заплакать.

— Не хочу, это не моя вина, не хочу...

Она зарылась в одеяло и зарыдала.

Плач становился всё громче, привлекая внимание пожилых людей и остальных. Стук в дверь был настойчивым, Цинфэн спокойно открыл и дал им пройти.

Бабушка подошла к кровати Лю Дундун, ласково похлопывая по одеялу.

— Дундун, почему ты так плачешь ночью? Кто тебя обидел?

Последняя фраза была явно намеком, но Цинфэн просто стоял в стороне, прислонившись к шкафу.

Плач становился всё громче, все окружили Лю Дундун, утешая её, но только Цинфэн знал её характер — чем больше утешают, тем сильнее она плачет. Если оставить её одну, она успокоится.

— Цинфэн, почему сестра так плачет?

Ли Чжаоюнь тихо потянула его за руку, но он лишь спокойно ответил:

— Наверное, размышляет о своих ошибках.

Эти слова вызвали бурю негодования у бабушки.

— Какие ошибки? Это они нас обманывают, дети же просто поссорились, а они требуют денег.

Цинфэн лишь улыбался, соглашаясь.

— Да, да.

Он вышел в пустой коридор, глубоко вдохнув свежий воздух. В доме было слишком душно. Собираясь достать телефон, он наткнулся на несколько карт в кармане.

<http://bllate.org/book/16764/1540967>